

Леонид
АВКСЕНТЬЕВ
г. Петрозаводск

Все к лучшему

рассказ

Мишка осторожно натянул нитку с висящими на ней серебристыми снежинками и привязал её к трубе отопления. Труба была настолько горячая, что он даже немного обжёг руку, когда обматывал нитку вокруг неё.

Мишка стоял на стуле, а стул — на столе. Поправив одну из снежинок, он еще раз внимательно оглядел всё сооружение. Конструкция представляла собой две крепкие нити, натянутые диагонально из противоположных углов комнаты, а к ним крепились каскады снежинок.

— Ну как? — спросил Мишка.

— Осень красиво, Миса!

Его четырёхлетняя сестрёнка Ленка стояла посреди комнаты, прижав к груди любимую куклу. Глаза её радостно сияли, маленький ротик полуоткрыт, и даже два хвостика на макушке, казалось, замерли в ожидании какого-то чуда.

Мишка хотел было прыгнуть со стула на диван, но вдруг вспомнил, что он ведь теперь сов-

сем взрослый. Чуть помедлив, он степенно слез со своей верхотуры. Ведь ему как-никак уже одиннадцать. Потом он ещё раз придирчиво оглядел преобразившуюся комнату: снежинки подвешены, настенные часы украшены мишурой, с люстры свисают стеклянные сосульки, по всему окну протянулась электрическая гирлянда. Всё было, как и в прошлый Новый год, вот только в углу у окна не хватает ёлки.

— Миса, а вклюси огоньки! — прервала его размышления Ленка.

Мишка отметил про себя, что его уже не раздражает сестрёнкина шепелявость. Обычно дети плохо выговаривают букву «р», Ленка же «р» научилась выдавать сразу, как только начала говорить, а вот с шипящими у неё пока плохо получалось.

— Сейчас включим, — он воткнул вилку с длинным мягким шнуром в розетку, и по окну весело побежали разноцветные электрические светлячки.

От восторга Ленка даже поперхнулась.

– Ми-са! – только и смогла она прошептать.

– Сейчас будет ещё лучше!

Выключив люстру, Мишка уселся на диван, откинувшись на мягкую спинку. Подхватив свою куклу, Ленка с ногами забралась к брату поближе – она побаивалась темноты. В тёмной комнате, да ещё на фоне тёмного окна, огоньки выглядели куда как ярче. Брат и сестра молча любовались феерическим зрелищем.

– Чур мои будут зелёные! – сказал Мишка, не отводя взгляда от сверкающего окна.

– Угу, а мои – синие! – безоговорочно приняла условия игры сестрёнка.

Огни отражались в замороженных глазах детей, то разгораясь до невероятного сияния, то бледнея и почти затухая.

– Миса, а папа от нас навсегда усол? – неожиданно нарушила молчание Ленка. Мишку поразило то, что она будто прочитала его мысли. Он только что думал об отце.

– Навсегда, – сухо сказал он.

– Миса, а все папы уходят?

– С чего ты взяла? Нет, конечно, это только наш ушёл, – вздохнул Мишка.

– А вот и нет! У моей подружки Кати папа тоже усёл к другой бабе.

– Надо говорить «к женщине», – вяло поправил он сестру.

– Нет, Катя говорит «к бабе», – упрямо мотнула головой Ленка.

По стенам и потолку весело скакали цветные блики электрогирлянды, но это зрелище уже их не забавляло.

– Миса, а сто, у той бабы нету деда?

– У какой бабы? – не понял брат.

– Ну, к которой нас папа усол.

– Не говори глупости, – строго сказал Мишка – так обычно говорила мама, когда дочка задавала трудные вопросы.

– Миса, а у нас будет ёлка? – легко переключилась Ленка на другую тему.

– Не знаю я ничего, и отстань со своими вопросами.

Его опять поразило, что сестра угадала его мысли, ведь он только что думал о ней.

Вчера он вышел на каникулы. С мамой они

договорились, что он заедет к ней на работу в обеденный перерыв и они вместе сходят на базар за ёлкой. Аптека, в которой работала мама, находилась рядом с ёлочным базаром. Но им не повезло – все хорошие ёлки уже были проданы, им предлагали каких-то жалких, кривых уродцев. Мама чуть не опоздала на работу, но подходящей ёлки они всё же не нашли.

Мама попросила его забрать Ленку из садика пораньше, он так и сделал. У сестры в садике был утренник, малыши подготовили концерт для родителей. Сестра была в роли Снежинки. Ленка старалась вовсю, завидев среди зрителей брата. Она читала стишок про мишку – не про него, конечно, а про игрушечного, который

...И на санках не катался,

И снесками не кидался.

Всю-то зимуску проспал

И на ёлку не попал!

– Ну совсем как про меня, – подумал Мишка, – я ведь тоже без ёлки остался.

Его размышления опять были прерваны сестрой, – он услышал её тихие всхлипывания.

– Ты чего? – спросил он.

– Мне папу залко. Он, наверное, по нам скучает, – прошептала она, заливаясь слезами.

У Мишки самого глаза вдруг стали мокрыми и в горле сделалось как-то тесно.

– Перестань, Ленка! – сказал он почему-то тоже шёпотом. – Папа уже не скучает по нам, поверь, а вот мама скучает, и она скоро придёт с работы.

Он взял куклу и подолом её платья вытер сестренке глаза и пуговку мокрого носика.

– Платьце завтра постирай.

– Хоросо, Миса, я постираю.

А Мишка опять ощутил себя взрослым, он приобнял сестру, положив на её худенькое беззащитное плечико свою ладонь. Ленка, облегчённо вздохнув, доверчиво прижалась к нему. Вскоре она уже крепко спала, тихонько посвистывая распухшим от слёз носиком. Мишка, стараясь не разбудить сестру, подтянул поближе подушку. Осторожно поднявшись, он аккуратно уложил на неё головку

спящей сестры, а в изголовье пристроил и её куклу. Глядя на это тщедушное маленькое тельце, он уже который раз за последнее время ощутил себя взрослым. Укрыв её стареньким пледом, Мишка отключил гирлянду и вышел из комнаты.

А потом пришла с работы мама. Она отказалась от разогретого сыном ужина, но согласилась выпить чашку чая.

Они сидели в кухне, пили чай с печеньем, и Мишка рассказывал маме, как у них с Ленкой прошёл день. Она слушала как-то рассеянно, похвалила их за уборку в комнате. Пока Мишка мыл чашки и блюда, мама раздела так и не проснувшуюся Ленку и уложила её спать в кроватку, а потом включила телевизор и стала смотреть развлекательное шоу.

— Миша, мне никто не звонил?

Казалось, она не слышала отрицательный ответ сына. Мама сидела, уставившись на экран, где мелькали уже приевшиеся лица, звучали уже надоевшие песни и затёртые шутки.

Мишка, делая вид, будто он с увлечением смотрит телевизор, искоса наблюдал за матерью. За последний месяц она заметно изменилась. Её лицо потемнело и немного осунулось, а большие серые глаза словно запали. Она смотрела телевизор и будто не видела его.

— Мама, я пошёл спать.

— Да, сынок, иди ложись, я тоже скоро лягу.

Лёжа в постели, он думал об отце: как папа мог так поступить? Недели две назад Мишка по маминой просьбе зашёл после школы в торговый центр. Купил всё необходимое и перекладывал продукты из тележки в пластиковый пакет. Вдруг краем глаза он увидел, как за окном промелькнула знакомая куртка, — папа! Да, это был отец, и он был не один. Рядом с ним шла высокая молодая женщина. Лица её он разглядеть не успел, видел лишь тёмные волосы. Несмотря на мороз, оба шли с непокрытыми головами. Они что-то оживлённо обсуждали. Затем, свернув к парковочной стоянке, остановились возле тёмно-синего японского джипа. Женщина открыла багажник, и они принялись укладывать в него пакеты с продуктами. Мишка видел, что один пакет был довер-

ху набит апельсинами, он подошел поближе, чтобы видеть отца. Женщина открыла дверцу и, сев на водительское место, распахнула вторую дверцу для отца. Папа уселся рядом с женщиной, причём уселся так, будто это для него привычное дело — Мишка как-то сразу почувствовал. Дверцы захлопнулись одновременно. Откуда-то женщина вытащила большую конфету, развернула ее и, откусив кусочек, протянула ее папе, а тот, широко раскрыв рот, видимо дурачась, заглотил остаток целиком. Было видно, что при этом они весело смеялись. Потом машина рванула вперёд и, красиво развернувшись, понеслась к центру города. А Мишке стало вдруг стыдно за отца, стыдно так, что он покраснел до ушей. Он будто бы прирос к полу, его толкали тележки, на него ворчали другие покупатели, а он ничего не чувствовал и ничего не слышал. Ему всё виделось, как папа по-собачьи тянется за конфетой.

Скоро Новый год, любимый Мишкин праздник, а он его совсем не чувствует. Он помнит, как они с папой каждый год украшали ёлку. Отец с торжественным видом доставал с антресолей заветную коробку, в которой, переложенные слоями ваты, лежали ёлочные игрушки. И какое же это было счастье — подавать папе одну за другой эти самые игрушки, чтобы он уже вешал их на колючие душистые ветки!.. Среди игрушек были любимые: теремок с заснеженной крышей, и парашютист, и сверкающий тонкий месяц. Вообще, Мишке и Ленке нравились все игрушки. Но самое главное ждало их на дне коробки, обычно это был шоколадный батончик или блок жевательной резинки. Причём находил Мишка этот сюрприз будто бы совершенно случайно к неопишуемой радости Ленки и всё понимающей улыбке мамы. Сладости делились поровну на всех членов семьи, и все дружно заявляли, что никогда ничего подобного не пробовали. Конечно, лучше остальных про эти сюрпризы знал Мишка, потому что именно он и подкладывал их всякий раз, когда игрушки убирали до нового праздника. Он и сейчас помнил, что на дне коробки лежит и ждёт радостных Ленкиных криков плитка шоколада. Но распробовать её в этот Новый год, видимо, не придётся — ёлки нет.

Но где же все-таки достать ёлку?.. И тут Мишка вспомнил, как они с папой летом на даче работали на расчистке просеки под электролинией. Такой существует порядок, что каждый владелец участка должен отработать определённое количество часов на общественных работах. Вот они и работали — спиливали молодые деревца, чтобы они не смогли дотянуться до проводов, протянутых над ними. У Мишки есть маленькая, но очень хорошая ножовка, и он довольно быстро приноровился спиливать невысокие тонкие берёзки, осинки и другие деревца. А папа работал бензопилой и валил деревца потолще. Работа у них спорилась. И вдруг они неожиданно вышли к молоденькой ёлочке, удивительно пышной и густой. Было жалко её спиливать.

— А давай оставим её до Нового года, ей до проводов ещё расти и расти, а зимой приедем, спилим и увезём домой, — предложил тогда отец.

Так и растёт, наверно, ёлочка по сей день посреди просеки.

— А что если съездить за ней завтра?.. Ножовка у меня есть... — подумал Мишка и тут же решил, что так и поступит.

Он завёл себе на утро будильник, устроился поудобнее в постели и крепко заснул.

Во сне Мишка видел папу. Будто катаются они на лыжах, папа идёт впереди, идёт вроде бы и не быстро, но Мишка никак не может его догнать. Мишка звал и кричал отца, но он, не оборачиваясь, уходил всё дальше и дальше.

И маленькая Лене тоже снился папа. Снилось ей, что плывут они с Мишкой и мамой на большом-пребольшом пароходе по большому-пребольшому озеру. И приплывают они на остров. А на берегу стоит тоже пребольшая изба. В избе живут дед и баба. Заглянула Ленка в окошко и видит: сидит на лавке папа и плачет, так ему домой хочется. Да вот только злая баба его не отпускает. Она ругает папу и грозит ему ремешком. А на полу в избе стоит курица Ряба и несёт золотые яички. Эти яички забирает злой дед и бьёт их, бьёт и смеётся. Ленка звала и кричала папу в окошко, но он её не слышал.

Пока дети спали, мама успела погладить бельё, пришила оторвавшуюся пуговицу к Мишкиной курточке и только тогда легла сама.

Но заснула она уже под утро — мысли о семье мешали уснуть. Но когда будильник своим стрекотанием разбудил Мишку, мама была уже на ногах. В кухне вкусно пахло кофе и жареным хлебушком. Молчаливая и заспанная сидела на стуле Ленка. Мама расчёсывала ей волосы.

— Ты чего, сынок, так рано? — удивилась мама. — У тебя же каникулы, иди ещё поспи.

— Я не хочу спать, мам. Лену я отведу в садик, а потом пойду кататься на лыжах.

— Спасибо, сынок, ты меня очень выручишь, — обрадовалась мама. — У нас сегодня короткий рабочий день, ты зайди ко мне, и, может быть, всё-таки купим хоть какую ёлку...

— Хорошо, мамочка, только ты без меня не покупай.

Из дому они вышли вместе. Мама поспешила на остановку, наскоро расцеловав детей, а они пошли пешком, благо садик был рядом.

Мишка очень спешил. Прибежав обратно домой, он достал из кладовки свою ножовку в красивом пластиковом чехле, положил её в старенький рюкзак, взял лыжи, переоделся и отправился на вокзал.

Он чуть не опоздал. Уже была объявлена посадка на электричку. В вагоне былолюдно и шумно. Повсюду виднелись лыжи, рыбацкие снаряды, нарядные подарочные пакеты, слышались громкие разговоры и смех. Короче говоря, в вагоне царило то самое ощущение праздника, которого так не доставало Мишке. Поневоле он проникся этим ощущением, настроение у него поднялось, и ему не терпелось поскорее встать на лыжи.

Через сорок минут он вышел на станции Озёрная. С ним вместе вышли ещё несколько человек, это были скорей всего студенты, судя по их разговорам. Все они были с лыжами и рюкзаками.

— Едем с нами, малыш! — крикнула Мишке одна девушка.

— Мне в другую сторону, — буркнул Мишка, обидевшись за «малыша».

Но компания уже не слышала его, шумной вереницей вся группа скользила по лыжне вдоль насыпи.

Мишка надел лыжи и огляделся. Было уже

достаточно светло, но сумеречные тени ещё держались возле заснеженных деревьев. Вокруг стояла неправдоподобная тишина, лишь вдалеке всё ещё слышались голоса шумной компании лыжников. До Мишкиной дачи было чуть больше километра, правда, до просеки, на которой растёт ёлочка, расстояние будет чуть меньше, но всё равно следовало поторопиться, чтобы успеть на ближайшую электричку в город.

В сторону дачного кооператива уходило хорошо укатанное шоссе, вдоль которого тянулась лёгкой тесёмкой лыжня. Лыжи скользили легко, и Мишка развил неплохую скорость.

Он летел мимо заснеженных валунов среди опушённого инеем кустарника, иногда лыжня ныряла под покрытые толстым слоем снега ветви огромных деревьев. Захватывало дух от красоты и скорости. Но было и немного жутковато находиться в лесу одному.

— Да я вовсе и не один, — успокаивал себя Мишка. — Рядом полно дач, а значит, и люди есть.

И в подтверждение его мыслей где-то впереди послышался стук топора. Ему оставалось совсем немного, сейчас дорога вместе с лыжнёй повернёт направо, а там уже и до просеки рукой подать. И тут за поворотом Мишка неожиданно увидел на дороге знакомый джип. Возле него стояла тёмноволосая женщина. Она стояла спиной к Мишке и смотрела в сторону просеки.

— Ну как? — громко спросила она.

— Всё в порядке, — прокричал ей голос отца.

— Я уже иду, но здесь очень много снега.

Через минуту на дорогу из кустов вышел и сам отец. В одной руке он держал небольшой топорик, а другой волочил по снегу срубленную ёлку.

— Посмотри только, какая красавица! Я её ещё летом приглядел для тебя.

Он поставил ёлку на дорогу и потряс её, чтобы смахнуть с неё снег.

— Действительно хороша, — женщина обошла вокруг ёлки. — Спасибо тебе, дорогой.

Это «дорогой» больно кольнуло Мишку. Взрослые его не видели, он стоял за громадной елью и смотрел, как они укладывали его ёлку

во вместительный багажник. Мишке опять было стыдно за отца, его словно облили кипятком. Машина уехала, а он ещё какое-то время стоял на лыжне, потому что не мог сдвинуться с места, и в результате чуть не опоздал на электричку. Сидя в вагоне у замёрзшего окна, он вдруг подумал:

«Интересно, а если бы папа не срубил эту ёлочку, как бы я её смог привезти домой с лыжами и палками наперевес? Да ещё и в электричке?.. Видимо, мама права, говоря: что ни случается — всё к лучшему».

И тут новая мысль осенила его: значит, и то, что папа ушёл от них, — это тоже к лучшему?!

Придя домой, Мишка позвонил маме, чтобы узнать, не надо ли сходить в магазин. А мама сообщила ему потрясающую новость — к ним на Новый год едут «чижики». «Уррра!!!» — заорал радостно в трубку Мишка. «Чижики» — это семейство Чижиковых, то есть лучшая мамина подруга детства тётя Света, её муж, весельчак и фокусник, дядя Коля и их сыновья-близнецы Пашка и Андрюха. Живут Чижиковы в Москве, но каждый год летом приезжают отдыхать на тёти Светину родину. А так как родных у неё здесь не осталось, то живут они на даче у Солнцевых, то есть на маминной даче. Пашка и Андрюха на два года младше Мишки. В прошлом году летом Андрюха на спор выпил подряд пятнадцать стаканов воды, и хоть его потом жутко рвало и ещё кое-чего было, он всё же выиграл у своего брата классный складной ножик. А Пашка тоже на спор провисел на турнике полтора часа вниз головой, и хоть его потом никак не могли поставить на ноги и даже посадить на стул — он всё время норовил упасть — и лицо у него было цвета варёной свёклы, а оттопыренные уши опухли и стали похожи на ручки кувшина, он выиграл свой ножик обратно. Короче говоря, Пашка и Андрюха — нормальные пацаны, и Мишке с ними было хорошо дружить.

Мишка от радости не находил себе места. Он решил забрать Ленку из садика пораньше и поделиться с ней этой новостью. Сестра, конечно, тоже обрадовалась, но уже на полдороге к дому вдруг захныкала. Оказалось, что она хочет писать.

— Надо было в садике сходить в туалет, — недовольно пробурчал брат.

— А мне в садике не хотелось, — захныкала малышка.

— Ну тогда бежим домой скорее!

— Нет, так мне сильнее хочется, когда бегу.

Кое-как они добрались до дому. Возле подъезда их догнала соседка тётя Таня и поздоровалась:

— Привет, солнышки!

Ребята тоже поздоровались с ней, и все вместе вошли в лифт. Мишка нажал кнопку с цифрой пять, лифт дёрнулся и... застрял. Они нажимали все кнопки без разбору, но ничего не помогало. Тогда тётя Таня нажала кнопку вызова диспетчера. Под потолком лифта громко зашипело.

— Что случилось? — резко спросил монотонный, будто неживой голос.

— Мы застряли, — коротко сказала тётя Таня и назвала адрес.

— Ждите, вам помогут, — ответил голос так, будто отдал команду.

— Кто это? — испуганно прошептала Ленка.

— Диспетчер, — сказал Мишка. — Повезло же нам.

— А где этот диспесер живёт? — от страха округлив глаза, спросила Ленка.

— В диспетчерской, — недовольно сказал ей брат. — Ясно тебе? И не задавай больше никаких вопросов, хорошо?

— Хорошо, — покорно согласилась Ленка, с опаской поглядывая на потолок, видимо, решив про себя, что именно там и находится эта самая «диспесерская».

— Ладно, ребята, будем ждать, — опустила тяжёлую сумку на пол лифта тётя Таня.

— А к нам сегодня сизыки приезают, — выпалила Ленка.

— Да что вы? Вот молодцы. Маме хоть повеселей будет.

— И мне тоже будет веселее, — подпрыгнув от радости, сказала Ленка.

— Ой! — вдруг тихонько заскулила она и присела на корточки.

— Ты чего? — наклонился к ней брат.

— Описалась, — растерянно пискнула Ленка и разревелась.

— Бедный ребёнок, — погладила её по голове тётя Таня.

— Ёлку-то вы уже нарядили? — спросила она, стараясь отвлечь Ленку от её беды.

— А у нас нет в этом году ёлки, — тихо сказал Мишка. — Как-то не успели купить.

— На базаре все ёлки дорогие и страшные, — шмыгнув носиком, опять вмешалась в разговор Ленка.

— Да как же так?! — удивилась тётя Таня. — Ведь скоро Новый год, а там и Рождество. Детям никак нельзя без ёлки.

И вдруг, всплеснув руками, она прибавила:

— Ребятки, да ведь у нас есть лишняя ёлка, у меня на работе продавались ёлки, и я, конечно, купила одну, и дядя Серёжа на своей работе тоже купил. Он ведь не знал, что я купила, так и лежит она на лоджии, дядя Серёжа принесёт её вам.

Когда лифт наконец наладили и дети попали домой, почти сразу же за ними пришла мама с полными сумками. Она повела мокрую Ленку в ванную. Тут же позвонил в дверь и дядя Серёжа — муж тёти Тани, он принёс ёлку и помог Мишке установить её в крестовину.

— Пусть обсохнет до вечера, а там можно и наряжать, — сказал дядя Серёжа.

А вечером приехали Чижиковы. В маленькой прихожей Солнцевых стало тесно и шумно.

— Чижики!

— Солнышки! — радостно верещали дети.

Шум, гам, дорожные сумки, аромат лёгкого морозца пополам с лёгким запахом поездов наполнили прихожую. А когда первая волна радостной встречи схлынула, все уселись пить чай. Впрочем, за чаем тоже было шумно — и хозяева, и гости делились последними новостями. Улучив момент, Андрюха шепнул Мишке, что они с Пашкой тайком от родителей сумели привезти классную петарду и что, когда пойдут кататься на лыжах, запустят её. Короче говоря, всем было хорошо, все были счастливы. А потом тётя Света скомандовала, что все дружно идут украшать ёлку, а они с мамой отправляются в кухню готовить праздничный стол.

Мишка, стоя на стремянке, достал с антресоли и под восторженный рёв мальчишек и Ленки торжественно передал дяде Коле ко-

робку с ёлочными игрушками. Потом они с Ленкой доставали игрушки, а дядя Коля с мальчишками развешивали их на колючих ветках. Никогда ещё ёлка у Солнцевых не украшалась так быстро.

— Ура! — вдруг снова закричала Ленка, доставая со дна коробки плитку «Бабаевского темного». находка была немедленно поделена между всеми участниками торжества, два кусочка были отправлены в кухню мамам.

Весь вечер в квартире Солнцевых звучал смех, слышались весёлые голоса. Потом веселье плавно перешло за праздничный стол. Мама сидела рядом с тётёй Светой, её глаза лучились, в них снова проснулся интерес к жизни. Мишка украдкой следил за переменной мамино настроения и был благодарен «чижикам» за этот их внезапный приезд. А дядя Коля был сегодня в ударе. Он то и дело доставал из ртов или ушей гомонящих мальчишек монеты и конфеты и передавал их Ленке. Она уже давно перебралась к нему на колени и сидела, с открытым ртом наблюдая за его фокусами. А когда он на глазах у всех вытащил из её ротика батончик сникерса, вконец ошарашенная Ленка выдохнула:

— Дядя Коля, живи у нас всегда!

В разгар веселья зазвонил телефон, ближе

всех к нему сидела тётя Света. Улыбаясь, она взяла трубку, лицо её вдруг стало серьёзным.

— Да, да, конечно, вы ошиблись номером, запомните его и больше не ошибайтесь,— и опустила трубку на аппарат.

Поймав вопросительный взгляд мамы, она утвердительно кивнула головой. В шумном застоле никто не обратил внимания на этот звонок. Никто, кроме Мишки. И ещё он слышал, как мама, обращаясь к тётё Свете, негромко сказала: — Что же... Видимо, действительно всё к лучшему...

Леонид АВКСЕНТЬЕВ

родился в пос. Ильинский (Олонецкий район) в 1951 г.

С 1968 г. проживает в Петрозаводске.

Автор двух поэтических сборников: «Солнечная река» (2002)

и «Трансплантация души» (2006).

Лауреат премии «Филантроп» (2004) в номинации «Поэзия».

Победитель конкурса новелл стран Баренц-региона (2008).

